

Как отпраздновать две революции, если одна из них поглотила другую? Часть вторая. | Comment célébrer deux révolutions dont l'une a dévoré l'autre ? Partie 2.

Auteur: Жорж Нива (перевод И. Мироненко), [Женева](#) , 08.11.2017.

Октябрьская революция

Предлагаем вашему вниманию вторую часть эссе видного французского слависта, почетного профессора Женевского университета Жоржа Нива, посвященного юбилею Русской революции.

Voici la deuxième partie de l'essai de Georges Nivat, un slaviste de renom et professeur honoraire de l'Université de Genève, consacré au centenaire de la Révolution russe.

Comment célébrer deux révolutions dont l'une a dévoré l'autre ? Partie 2.

Февраль 1917 года стал, прежде всего, вихрем, воплотившим в себе мечты о свободе. На выставке в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге это ощущение удалось передать с удивительной точностью. С извлеченных из хранилищ фотографий, почтовых карточек, политических листовок и детских рисунков 1917 года на нас смотрит множество человеческих лиц – сначала счастливых, потом серьезных, потом страдающих. Политические листовки непрерывно провозглашают: «Свободная Россия!», «Да здравствует свобода, ура!», «Да здравствует революция рабочих и солдат!» Это еще до Октября, еще и речи не идет о большевиках, и на многих брошюрах красуется надпись: «Христос воскрес!» Ведь в 1917 году Пасха пришлась на начало апреля, вскоре после Революции, и словно наслои́лась на нее.

Вот ликующая толпа перед горящим «Литовским замком», мрачной тюрьмой в петербургском районе Коломна. Публично сжигают полицейский архив, толпа тащит полицейского («фараона»), на которого прицепили табличку «Вчера господин, сегодня раб!» Дальше Николай II стоит на коленях на российском флаге и протягивает корону своим победителям, рабочий попирает ногой скипетр, солдат – державу, сцена разворачивается перед Таврическим дворцом, где заседает Дума, которой вскоре придется потесниться и разделить его с Советами. А над дворцом встает солнце свободы, озаряющее все своими лучами, как на масонской эмблеме. Вот русская Марианна с щедрыми формами, на нее напал имперский орел, но на выручку подоспел солдат. «Пусть это будет наше 14 июля!», – провозглашают многие плакаты. Агитационные плакаты и открытки зачастую были посвящены патриотическому займу, который с первых своих дней пропагандировало Временное правительство, пример тому – изображение разрушенного крупновского завода. Или крестьянка на телеге, заявляющая: «продам хлеб – куплю заем свободы». Правда, делать этого она не будет...

Неожиданно увидеть похороны казаков, убитых во время подавления большевистского восстания в июле. Мы настолько привыкли к истории, переписанной этими самыми большевиками и их наследниками, историографами Советской России, и к нашим собственным учебникам, что сразу и не понимаем, о чем идет речь. Между тем, дело происходит сразу после неудачного переворота 3-4 июля 1917 года, конкретно – 5 июля. Чхеидзе, меньшевистский лидер, прибывший из Грузии (он вернется туда, чтобы возглавить Закавказский сейм, а затем Грузинский парламент с февраля 1918 по март 1921 года, а потом эмигрирует во Францию) произносит речь над телами казаков, героев, спасших Республику от нападения большевиков. Похороны происходят в Александро-Невской лавре, самом святом месте столицы. Погребение свершается по религиозному обряду, с попами. Дальше – призыв Церетели и Керенского к населению Петрограда сдать оружие, которое ему сначала щедро раздавали, чтобы защититься от большевиков, в трехдневный срок – 14, 15 и 16 июля.

И это еще не последний удивительный экспонат. Вот фотография с похорон (также религиозных) жертв государственного переворота 28-30 октября («Октябрьской революции»). Толпа на Невском проспекте. То здесь, то там виднеются черные знамена анархистов. Несколько месяцев спустя, после разгона Учредительного

собрания по приказу Ленина в январе 1918 года, при большом стечении народа хоронили жертв 5 января. Знамя социалистов-революционеров развивалось над Невским проспектом, трамваи были остановлены, большая растяжка гласила: «Вечная память павшим за Революцию. Совет петроградских профсоюзов», ее украшал православный крест.

Все эти изображения, которым, конечно же, до сего дня не находилось места ни в одном учебнике истории, свидетельствуют о том, что православная вера вовсе не исчезла. Попы и военные священники присутствовали на всех похоронах. Раб разбивал свои оковы, как Соломон в храме (образ Соломона широко использовался еще в XVII веке для прославления Петра Великого). И даже на анархистском плакате «Земля и воля» использована религиозная символика – рука поднимает чашу к небесам.

В выборах в Учредительное собрание участвовало много партий, у каждой был свой номер, чтобы неграмотные не ошиблись при голосовании. Серия почтовых карточек с насмешкой изображает этих персонажей: у анархиста в руках бомба, большевик покровительственно кладет руку на плечо маленького меньшевика, кадет держит подмышкой пухлый портфель. В сатирической серии «Типы революции» мы увидим одетого «под офицера» «земгусара», а на самом деле – простого служащего, присвоившего офицерские погоны, или «студента-милиционера» – это студент, случайно ставший милиционером, или «переодетого городского» (по большевистской легенде, Керенский во время бегства переоделся в женское платье). Более драматичны другие изображения – фотографии со вскрытия депутатов-кадетов Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарёва. Их арестовали после Октябрьского восстания, затем отправили в тюремную больницу, разместившуюся в подвалах Мариинского дворца, где ночью с 6 на 7 января их убили разбушевавшиеся матросы и красногвардейцы, при том что тюремщики заставили семьи заплатить за охрану арестованных по ночам. Фотографии были размножены на ротаторе – знак того, как велико было общественное возмущение свершившимся.

Недавно был опубликован альбом с только что обнаруженными детскими рисунками 1917 года, которые показывают, как развивались уличные события, увиденные глазами ребенка: гигантские шествия с транспарантами «Да здравствует Россия!», чуть дальше три колонны, проходящие по улице и прославляющие: одна – Керенского, другая – Интернационал, третья – Свободную Россию. Мы также видим митинг Земского союза, это объединение местных структур самоуправления с 1915 года играло важную роль в улучшении снабжения армии. Вот шествуют люди в фуражках, скандирующие «Да здравствует свободная Россия! Война до победы!» Однако скоро темы рисунков меняются. Вот множество рисунков с очередями перед продовольственными магазинами – булочной, мясной и молочной лавками, и везде у входа стоит городской для поддержания порядка. Или еще голубой вагон «Москва – Нижний Новгород», который захлестнула бесчисленная толпа: люди повсюду, даже на крышах, а вагон, кажется, никуда не едет... Россия во времена Гражданской войны превратилась в огромный обоз: поездов ждут неделями, мимо проходят переполненные эшелоны, в которых люди едут даже на крышах. В записных книжках Марины Цветаевой, в ее текстах полно таких образов.

Политический язык сегодняшней России окрестил бы Февральскую революцию «цветной». Ясно, что нынешний режим не любит цветных революций, которые начинаются с митингов и заканчиваются свержением законного правительства, как

произошло в Киеве в 2014 году. «Оранжевая» революция 1917 года еще не была антихристианской, ключевым словом для нее была «свобода», и вначале довольно часто звучал лозунг «Христос воскрес!» Александр Блок, автор знаменитой поэмы «Двенадцать», описывает шествие двенадцати красноармейцев по пустынному, голодному Петрограду в январе 1918 года, как раз после разгона Учредительного собрания, о котором мечтала вся свободная Россия. И вместе с этой бандой, которая убила продажную девку, гулявшую с разбогатевшим солдатом, идет «в белом венчике из роз – впереди Иисус Христос». Многие представители интеллигенции после этого не желали подавать Блоку руки, однако поэма всего лишь отражала одно из течений 1917 года, которое можно назвать «революцией духа».

Президент Путин и все нынешнее правительство отмечали годовщину августа 1914 года, начала Первой мировой войны, и это оказалось новшеством, поскольку при советской власти погибших в «империалистической» войне вообще не вспоминали. На этом фоне весьма примечательно отсутствие официального празднования 1917 года, если не считать нескольких конференций и выставок, - это показывает, что вся страна не знает, как быть с этим годом, когда одна революция поглотила другую. Режиссер Никита Михалков выступает за установку памятника Ивану Грозному в Орле и осуждает концепцию музея Бориса Ельцина в Екатеринбурге, где режиссер Павел Лунгин использовал принцип взаимодействия публики с документами. Михалков считает, что там ведется «планомерная работа, медленно и аккуратно разрушающая историческое самосознание детей и молодежи, приходящих туда» (из письма к вдове первого президента, Наине Ельциной). В недавно снятом фильме Михалков предложил собственную интерпретацию гражданской войны, порожденной Октябрем. Название и часть аргументации заимствованы из короткого рассказа Бунина «Солнечный удар». Это небольшое, очень чувственное повествование – Бунин был мастером этого жанра – представлено в форме постоянно возвращающегося воспоминания белого офицера о том, как он соблазнил прекрасную пассажирку на пароходе, шедшем по Волге. Теперь он находится в плену у красных в фильтрационном лагере вместе с сотнями других врангелевских офицеров, которые, еще того не зная, уже приговорены к смерти: по приказу Белы Куна их погрузят на баржу, которую затопят в открытом море. Фильм Михалкова разворачивается между двумя эпохами, двумя пластами российской жизни. Развевающийся шарф героини в том и другом эпизоде служит настойчивым, упорно повторяющимся символом, равно как и маленький фотограф из лавчонки в волжском селе: теперь он красногвардеец и ему поручено сфотографировать группу белых заключенных... Россия идет ко дну вместе с баржей, словно «Титаник». В чем тут смысл? Какое-то глухое чувство вины связывает эти две истории - об адюльтере в красочной, процветающей России и о массовом убийстве на корабле в открытом море, это было отражено на горьких страницах бунинского дневника, который он вел между 1917 и 1921 годами, впоследствии опубликованного в виде книги «Окаянные дни» (1925-1927). «Последний раз я был в Петербурге в начале апреля 17 года. В мире тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна».

Бунин выходит из поезда и видит, как множество людей совершенно бессмысленно шатаются по вокзальным помещениям. Он берет извозчика и едет по Невскому проспекту, который «был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях внакидку, неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сладостями, и

всем, чего просишь». Извозчик оборачивается и говорит ему: «Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит». Пасха 1917 года видится Бунину как светлая радость от воскресения Христова, овеянная дыханием смерти. Для Василия Розанова, нашедшего прибежище подле Троице-Сергиевой Лавры к северу от Москвы, это «апокалипсис нашего времени», напыщенный фарс фокусника, но, когда представление заканчивается и публика идет одеваться, чтобы расходиться по домам, оказывается, что больше нет ни шуб, ни домов. (Михалков использовал этот мотив, введя в фильм сцену с иллюзионистом на великолепном и беспечном корабле, поднимающемся по Волге вместе с офицером и дамой в белом).

Еще более недвусмысленные формулировки содержатся в дневнике жены Мережковского Зинаиды Гиппиус, которая жила напротив Таврического дворца и могла наблюдать, как под ее окнами разворачивалась История. К ней после заседаний в Думе заходили на чай Керенский и многие другие политики. Но эти интеллектуалы – все они, за исключением Розанова, были либералами – не могли разгадать смысл происходящего. Русская революция казалась им голограммой французской. Намного позже Александр Солженицын в статье «Черты двух революций» сравнил их, держа в уме объяснение, услышанное в детстве от пожилых людей: «Люди забыли Бога, оттого и всё». Был ли он прав? Столь поразительные изображения на небольшой выставке в Петербургской публичной библиотеке говорят нам об обратном, по крайней мере, в феврале: православных лозунгов как никогда много, революционные плакаты гласят «Христос воскрес». Крах «Святой Руси» стал одним из главных парадоксов загадочного 1917 года. Вскоре активисты залезут на колокольни и сбросят колокола, Ленин отдаст тайный приказ об истреблении духовенства (после Шуйского дела). Вплоть до Великой Отечественной войны, в ходе которой Сталин в смятении обратится с призывом к умирающей Православной церкви и восстановит упраздненное Петром Великим патриаршество, будет казаться, что Россия наконец «освобождена» от опиума для народа. С «революцией духа» было покончено. Что касается моряков, которые подняли февральский мятеж и по ходу дела убили адмирала Непенина, которого узнали на одной из столичных улиц в штатской одежде (это одна из самых пронзительных сцен «Марта Семнадцатого» Солженицына), то в 1921 они взбунтуются против диктатуры Ленина и Троцкого и обратятся ко всему миру с патетической мольбой о спасении. Однако будет уже слишком поздно.

1917 год не был ни «оранжевой», ни марксистской революцией, ни простым мятежом. Он заставил Россию в два этапа преодолеть поразительный исторический спринт от ликования до отчаяния, а затем до самой жестокой гражданской войны. Для всех, как для сторонников, так и для противников свершившегося, образцом служила французская революция 1789 года. О ней думал Троцкий, когда обличал сталинский «термидор». С 1789 по 1793 годы Франция тоже пережила стремительное преобразование, но конец революции пришел довольно быстро: Директория, затем генерал Бонапарт, затем империя Французов, затем Реставрация.

В недавней посмертной публикации советского социолога-полудиссидента Михаила Гефтера «1917: неостановленная революция», которая представляет собой сборник бесед Гефтера с одним из его учеников, Глебом Павловским, вновь высказывается мысль о том, что в России все революции начинаются сверху. Историк Натан Эйдельман издал небольшую книгу с таким названием в самом начале Перестройки. Что это значит? Что глубинная Россия еще не «совершила» свою революцию, еще не переварила «озападничество», модернизацию, контраст между крупными городами и

бескрайними деревенскими просторами? Что молодых, даже юных людей, которые время от времени выходят на митинги на улицы Москвы, ничего не связывает с этой глубинной Россией? И что пока все будет так, революция не завершится? Значит, власть сверху? В любом случае, праздновать тот год, который всего за несколько месяцев изменился до неузнаваемости, было бы крайне сложно.

От редакции: Другие материалы, посвященные юбилею Русской революции, Вы найдете в нашем [тематическом досье](#).

[Россия](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[Как отпраздновать две революции, если одна из них поглотила другую? Часть первая](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/politique/kak-otprazdnovat-dve-revolyucii-esli-odna-iz-nih-poglotila-druguyu-chast-vtoraya>